

Мы ленивы
и не любопытны...

А. С. Пушкин

Николай Прянишников,

руководитель отдела
зрелищных зданий
Экспериментального
научно-проектного института,
тренер Московского
общественного научного фонда,
эксперт фонда В. Потанина,
neps0110@gmail.com

Nikolai Pryanishnikov

Member of Experimental
Research-Project Institute,
Instructor of Moscow
Social Scientific Fund,
Expert of Vladimir
Potanin Fund,
Moscow
neps0110@gmail.com

We are lazy and incurious...¹

Aleksandr Pushkin.

¹ Pushkin A. Puteshestvie v Arzrum (A journey to Arzrum) // Pushkin A. Drama. Proza. — М.: АСТ Москва: Khazaritel, 2008. — p. 512.

История города становится инструментом, помогающим процессу управления развитием, как самого поселения, так и живущих в нем представителей сообщества.

С болью приходится выносить в эпиграф известную пушкинскую оценку соотечественников: «Мы ленивы и не любопытны...»¹ Это высказывание посвящено проблемам отечественной истории: встреченное по пути в Арзрум тело Грибоедова, напомнило поэту о том, что об авторе «Горя от ума» не осталось исторических свидетельств (ни его собственных мемуаров, ни записок друзей). Отсутствие фиксации жизни замечательных людей было воспринято Пушкиным как личная и социальная проблема. Дефицит оформления прожитого (памяти о хороших людях, примечательных событиях) также касается и местной истории, которая (если не прикладывать специаль-

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А. С., Драматургия. Проза. — М.: Хранитель, 2008. — С. 512.

ных усилий) растворится в беспощадном небытии забвения.

Противостоит этой тенденции отряд специфических людей: местных историков, генеалогов, краеведов. Хотя им не откажешь в пытливости и любопытстве, их ограничивает другая отечественная беда — слабая конструктивность и непрактичность, вызванные абсолютным погружением в исторические реалии, чрезмерная оторванность от настоящего и будущего своего места жительства.

В нашей статье, посвященной истории города², мы уже обсуждали вопрос

² Прянишников Н. Е. Присвоение истории // 60 параллель, № 4 (23) 2006. — С. 14-20. Метод доступа: <http://journal.60parallel.org/ru/journal/2006/21/162>

Генеалогия града, или Коллаж идентичностей

Тема номера / Issue Subject

Genealogy of the City, or Identities in Assemblage

History of a city can become an effective instrument of the city development. The development of the community is at stake as well.

It is disappointing to take as the epigraph the famous Pushkin's evaluation of his contemporaries: 'We are lazy and incurious...' He said it about their attitude to national history: on his way to Arzrum, Pushkin met the corpse of the famous poet Griboedov and thought that the author of great comedy *The Woes of Wit* had left no historical artifacts (neither memoirs nor remembrances of his friends). Pushkin perceived a personal and social problem in the fact that the life of distinguished persons had no commemoration. The lack of the historical fixation (memory of great people and important events) is no less palpable in local history. Without special efforts, this history should descend in non-being.

An exceptional group of people, who are local historians, genealogists,

regional explorers try to overcome the threat. Definitely enthusiastic and explorative as they are, the people at the same time are severely constrained by a notorious national problem: for the most part, they are non-practical and unable to think in business manner. It is caused by their deep getting into history together accompanied by certain alienation from the present and future of their own environment.

In an article devoted to city history² we have already spoken over the problem of traditional separation between general (global) and local histories and how important would be reasonable

² Pryanishnikov N. The Appropriation of History in The 60th Parallel, # 24. Available at: <http://www.journal.60parallel.org/en/journal/2006/21/162>

разделения всеобщей (глобальной) и локальной историй и важность выявления в стратегическом планировании (а в дальнейшем и в публичном пространстве города) историй отдельных социальных групп. При таком подходе владение историей населенного места становится прикладным знанием, определяющим эффективность проектов модернизации (можно оценивать вклад истории в образ города, в развитие туристского потенциала, в комфортность среды проживания, определяющую привлекательность для творческих людей). История города становится инструментом, помогающим процессу управления развитием, как самого поселения, так и живущих в нем представителей сообщества. Человек пребывает в городе, погруженный в зыбкие границы повседневности, при этом одни события (яркие, где он непосредственно принимал участие) сохраняются в памяти, другие вытесняются из нее, предаются забвению, то же происходит и с ценностями, нормами и поведенческими образцами.

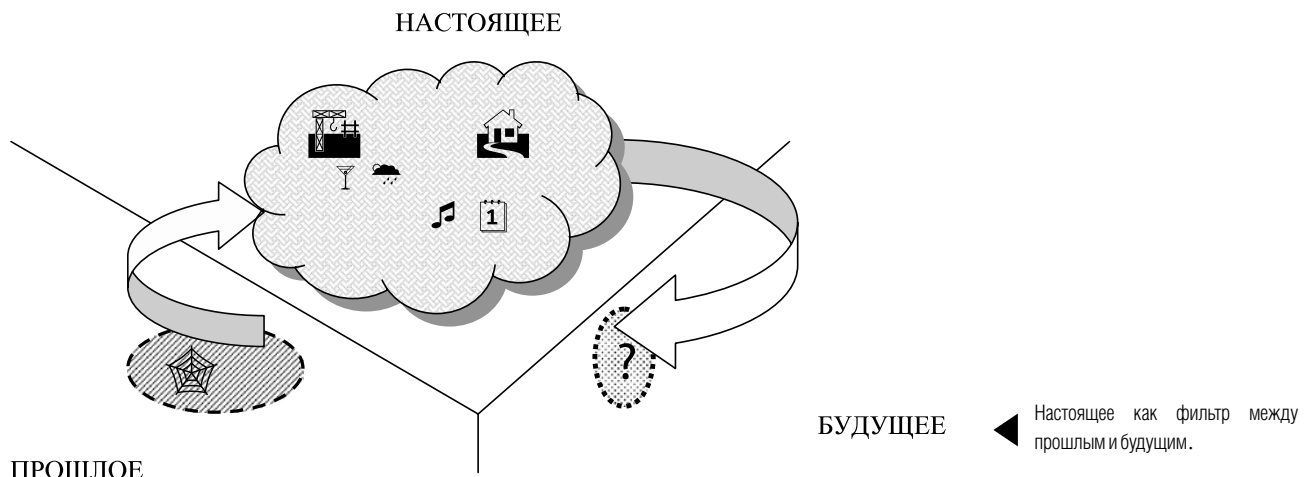
Особенности историко-футуристической оптики

Есть социальные группы, в самосознании которых ни будущего, ни прошлого вообще не существует, они погружены в повседневную «борьбу за выживание». Если субъект имеет сокращенное, не структурированное представление о своем прошлом, на фоне чрезмерного предложения в настоящем, то не трудно предсказать, что следствием окажется весьма ограниченное и фрагментарное видение своего будущего. Для многих социальных групп, освоивших нормы общества потребления, настоящее «застит» видение и будущего, и прошлого. Не могу не привести поразивший меня пример, произошедший недавно на еженедельном салоне в Московском купеческом обществе³. Пара молодых людей на вопрос, интересуются ли они прошлым,

³ Региональная общественная организация, объединяющая потомков купеческих семей, к созданию которой приложил руку автор статьи. Целью Общества среди прочего обозначено возрождение принципов цивилизованного предпринимательства.

историей своего рода, радостно ответила отрицательно: «Нам некогда, мы с утра до вечера работаем и учимся»...

Ценность прошлого пытаются актуализировать члены возникших после 1990-х годов организаций (Купеческое и Дворянское собрание, объединение казаков, мещан, монархисты и многие другие). В рамках этих организаций, а иногда независимо от них сформировался отряд увлеченных историей своей семьи и рода. Число книг по этой тематике растет в геометрической прогрессии, однако при этом столь же решительно падает общественный интерес и внимание. Кроме того, и самые распространенные у нас в стране ветеранские организации (участников ВОВ, общества «Мемориал», ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы), хотя и нацелены на социальную помощь, все-таки отстаивают и важность для истории своей темы (героизма в войне, страдания заключенных, экологической опасности техногенных катастроф).

positioning of interests of various social groups in strategic plan-making (with perspective representation in the public sphere of the city). This approach helps to apply knowledge of the local history in evaluation of effectiveness of modernization projects: it is possible to weigh up its investment into the image of the city, its tourism potential, quality of environment, which altogether make the city attractive for creative personalities.

Historic-futuristic viewpoint

There are social groups whose members have neither history nor future, they are totally embedded into automatic routine. If someone's apprehension of the past is abridged and unstructured, we should be quick to foresee that as its consequence we would discover that the person has a rather constrained, chaotic vision of future. For many social groups who have accepted the normative system of consumerism

society, the future 'overshadows' the past along with present. Here is one, but striking, example. Being in Moscow weekly merchants' society meeting³ I asked a couple of young people whether they were interested in the history of their family, and they answered jolly and negatively: 'we have no time for it, we work and study all the time.'

Moreover, the most developed Russian veterans' organizations (such as societies of the Great Patriotic War participants, 'Memorial' society, Chernobyl' likvidators⁴ organizations) do insist on the importance of history for their job (concerning war heroism, suffering of camp inmates, threat of technological catastrophes), while helping their member to cope with problems of social support.

³ Regional NGO, established with participation of the article. It helps people from various noble families meet each other. One of the Assembly's objectives, as shown in its official documents, is revival of civilized business tradition.

⁴ In Russia – participant of Chernobyl' disaster liquidation (translator's note).

Members of various organizations that have shown themselves since late 1990s, (Merchants' and Nobilities' Assemblies, the Cossacks', burgers' and Monarchists' societies and many others) attempt to actualize the importance of the past.

Another informal group of people effectively concentrated on history become reconstructors (which maybe collector of tin soldiers or experienced scholars in weapon and armory of certain historical periods).

I consider the Russian Orthodox Church the leading organization in the field of actualizing history. Really, it is in the very heart of Orthodox Christianity (like other religions) that highlighted the deployment of historical samples in everyday life (be it saints' asceticism, holy men behavior, which all become norms for youths' moral). Further, special attention to the history of sacred places is implied by the whole spiritual tradition. That's why archaeological investigations of the temple's site, its settlement and

Из социальных групп в актуализации истории, с моей точки зрения, лидируют представители церкви.

Во-первых, в самой основе православия (да и других религий), очень много построено на использовании исторических образцов в обыденной жизни (аскетизм святых, поведение старцев, да и образ жизни старших, в норме становится руководством для молодых).

Во-вторых, в традиции священства внимательное отношение к истории места — историко-археологическими разысканиями, касающимися собственного храма, села, прихода. В литературе часто встречаются летописи села, которые вели приходские священники, отмечавшие как природные события (выпал снег, начался ледоход), так и происшествия в обществе: открытие библиотеки, подъем колокола на колокольню. Сегодня этой деятельности способствуют не до конца проясненные вопросы собственности. Поэтому в читальных залах архивов можно встретить многочисленный отряд батю-

шек. Результатами их работы (совместно с архивистами) становится история того или иного храма, список служивших в нем священников, дьяконов и прочее. Кстати, одной из побудительных причин обращения к истории является стремление вписать себя в престижные ряды. Так появляются портретные галереи губернаторов, мэров (глав города), прокуроров...

Другим неформальным отрядом, деятельно погруженным в историю, стали реконструкторы прошлого (от собирателей и изготовителей оловянных солдатиков, до специалистов по военной форме и оружию и доспехам, относящихся к определенному времени).

К этой группе примыкают национальные и культурно-этнические группы, пытающиеся зафиксировать аутентичный взгляд на свою народность, выделив первичные ее характеристики из конгломерата черт, приобретенных в результате адаптации.

Но если с конструированием истории отдельных социальных групп дело обстоит удовлетворительно, то с созданием исто-

рии, формирующей локальную идентичность места, ситуация много хуже. Этим должны заниматься соответствующие институты и, прежде всего, тройка институтов памяти: архив, музей, библиотека и примкнувшая к ним школа дополняются упомянутой системой исторически ориентированных обществ: историкородословных, краеведческих ассоциаций, исторических журналов, исторических передач по телевидению. Поскольку в школе традиционно преподается история, и поскольку к ее курсу был добавлен региональный и локальный компонент, то обучение в школе должно выработать у учеников специфическое «чувство истории», которое, согласно Беллу и Мак-Калламу, состоит из пяти элементов:

- способность понимать современность в свете прошлого;
- способность работать с историческими источниками (отсеивая ненужное и выделяя существенное);
- способность воспринимать историческое повествование (нарратив);

Генеалогия града, или Коллаж идентичностей

Тема номера / Issue Subject

Genealogy of the City, or Identities in Assemblage

the community are appreciated. In the literature, you often may discover the annals sustained by the communities' priests. They equally mentioned the weather events (first snow, breaking of ice on the river) and events in the community's history (opening of the library or lifting the bell on to the belfry). Nowadays, the explorations of history are facilitated by unclarity in property relations. That's why you often can observe many churchmen in archives' rooms. Cooperation with archivists they produce histories of such and such church, lists of its priests, deacons etc. By the way, an effective reason to pay attention to the history is desire to embed one's name into it. This way, portraits and biographies of governors, mayors (municipal heads) and procurers appear.

Number of books about such themes expands geometrically, whereas social interest and recognition of these themes comparably goes down.

However, even if constructing of various separated social groups looks

satisfactorily, situation with usage of history in the constructing of local identities is much worse. There should be established specialized institutions to do the job, and the leaders must be three 'memory-managing' institutions: archive, museum and library, and school must join them. There should be also a constellation of history-oriented societies: genealogical, societies of local studies, historical journals and historical programs on TV. As history is a traditional school discipline, its course should be provisioned by region and locality oriented components. The school education should grow in the disciples' minds particular 'historical feeling'. According to Bell and McCullum, the feeling consist of 5 parts:

- Ability to understand the present in the light of past,
- Ability to work on with historical sources (separating and extracting necessary information),

- Ability to read and understand historical narrative,
- Ability to derive conclusions out of this or that historical situation,
- Knowledge of historical characters and events⁵.

It is a specific feature of the list that knowing of the historical facts (events, personalities) is put on the last position. However, our actual knowledge of history as well as its implementation in actual contexts resembles our handling of our natural resources. Just as we trade worldwide by raw oil and timber, we enter the world information market exclusively with raw history.

When we make projects of city's future (including not only future buildings, but also events, projects and programs) we always are in a merge and instable zone between two spaces one is known (what we have

⁵ Savel'eva I and Poletaev A. Social'nye predstavleniya o proshlom ili znayut li amerikantsy istoriyu [Social Representation of Past, or Do Americans Know the History?] M.: NLO, 2008. p. 9.

- способность извлекать выводы из той или иной исторической ситуации;
- владеть информацией об исторических личностях и событиях⁴.

В этом списке характерно, что владение фактами истории (знание событий и героев) стоит на последнем месте, а на первом поставлена способность интерпретации современности, исходя из знания истории, то есть история должна быть определенным образом препарирована и приготовлена: так, чтобы стать ключом к принятию сегодняшних решений. Однако сегодняшнее знание истории и включение ее в современный контекст у нас аналогично использованию нами своих природных ресурсов. Как и с нефтью, и с древесиной, мы выходим в мир, на информационный рынок с историей-сырцом.

В свете этого становится понятным пространственное на Западе, в некотором смысле даже навязчивое стремление сопоставлять исторические и современные ряды предметов. Так, в музеях принято осовременивать традиционные художественные экспозиции (современным искусством, пародированием посетителя, например, выглядывающим из стены, пробравшимся сквозь перекрытие).

При проектировании будущего города (его зданий, сооружений, а теперь еще и событий, проектов и программ) мы всегда балансируем в промежуточном пространстве между двумя зонами — известного, то есть того, о чем у нас имеются определенные знания, и неизвестного, то есть того, что еще нам потребуется узнать или

определить. Это касается как оперативной информации, так и той, которая уже стала историей. Соотношения в величине зон меняются во времени. Как правило, зона определенности выше, если проектирование ведется из одного центра, является делом одного субъекта. Музейный или библиотечный работник сам определяет тему, подбирает в музейных или библиотечных фондах предметы (книги или экспонаты) и находит им место в экспозиции при презентации публике. Архитектор придумывает идеальный образ жизни, материалы, предметы, дизайн и убранство и вменяет свое решение заказчикам — будущим жителям. Так в популярной телевизионной передаче «Квартирный вопрос» окончательное решение оказывается полностью неожиданным для будущих жителей, то есть «чужим», и требуется специальная деятельность по «присвоению» и освоению этого проектного решения. Так и современность, не адаптированная историческим знанием, оказывается для сограждан культурным шоком (по Э. Тоффлеру) и заставляет сообщество шарахаться назад (на этом построена идеология и фразеология коммунистов и людей, высоко оценивающих период застоя).

В том случае, когда локальная история (как и всеобщая) образуется из малых историй различных субъектов, мы не можем работать с проектами в единой логике. Получает распространение многосубъектное проектирование, то есть проектирование, основанное на участии будущих пользователей, посетителей, потребителей, каждый из которых имеет свою историю. Здесь уже зона неопределенности значительно превышает зону известного, и задача менеджера, специалиста по управлению

проектами состоит в создании определенных условий для коммуникации и взаимодействия партнеров по проектированию.

Удобным инструментом анализа ситуации в этом случае оказывается «окно Джогарри», названное по именам придумавших его ученых, в котором выделяется четыре зоны:

А. История места известна местным проектировщикам и партнерам (или обществу, фонду, экспертам, потребителям), здесь речь идет об общих культурных свойствах, обычаях, архетипах. В такой ситуации речь идет о появившейся недавно программе «Имена России», где все фигуры истории всем уже известны, и нужно обновить систему аргументов и выявить актуальную значимость исторического персонажа. Телепередача выявила проблему (о ней все время печется режиссер Никита Михалков) — участники рассуждают о значимости персонажа, исходя из его роли в прошлом (как правило, в экстремальных обстоятельствах) и абсолютно теряются при необходимости оценить сегодняшнее значение героя — его символический вклад в решение задач современности. С одной стороны, это свидетельство слабой включенности в современную повестку дня, с другой — отсутствие навыков переинтерпретации истории.

Б. История места известна проектировщикам, но неизвестна партнерам (или обществу, потребителям) — это зона специального профессионального знания. По сути дела, это ситуация, когда на рынок общественного внимания нужно вывести новую идею из прошлого. В конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире» такие проекты достаточно распространены. Здесь и «Путешествие с

⁴ См. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — С. 9.

definite knowledge about) and the second is yet unknown what we should explore and study. We can say it about operative information and about now-history alike. The zones change their borders and contours in time. As a rule, the zone of certainty is bigger when the whole domain is being governed from one point by one subject. An employee of museum or library states the topic, chooses the things (artifacts of book) and settles them in their special places in the whole exposition or exhibition. An architect invents the whole shape of future life, the things and their dispositions, imposing the design on the future dwellers, his or her clients. Just in the same way, the modernity, unmediated by historical knowledge, becomes a cultural shock for the people (as Alvin Toffler demonstrates it), and forces the society to look in panic for an option to play back. This intention is deployed by conservative politics.

If local and global history is combined from small histories of various subjects, we cannot apply united and single logic

to every project. In this situation a multi-subject planning should be applied which involves in itself the future visitors and consumers, everyone with a private history. In this case, the zone of uncertainty prevails over the zone of certainty, thus the project manager should effectively organize special frameworks for the communication between the co-operators.

History:

view through JoHarry window

As a useful tool, we can apply 'JoHarry window' — a method named after its inventors, which implies that we should discern four zones:

A. History of the place is known to the project makers as well as to the partners (be it community, Funds, experts or clients). In this zone we should put commonly shared cultural features and archetypes. As an example, we may consider the new program 'Name-of-Russia'⁶ where all

names are already known and only the arguments should be renovated to disclose the actuality of such and such historical hero. The program helped to discover a problem (famous director Nikita Mikhalkov always displays his regret about it): the participants freely discussed the character's past meaning and importance (as a rule that had been shown in a critical situation) but absolutely failed to explain the character's contemporary meaning. What is the symbolical contribution to ongoing historical problems? From the one side the fact shows that the participants are not deep into the agenda, but from the other side, the fact displays their weakness in re-interpretation of history.

B. History of the place is known to the project makers but not to their partners (community, clients). The history belongs to domain of professional knowledge. This situation happens when we should focus public attention at a new idea about the past. Projects of this kind were often met in our programme 'The Changing

⁶ <http://www.nameofrussia.ru>

гением», предлагающее новый маршрут переживания жизни гениев (Толстого и Тургенева), и «Палеодеревня», в которой осуществлена реконструкция древней и малоизвестной культуры чжурджуеней. В результате реализации этого проекта Находка стала рассматриваться в качестве туристского центра Южного Приморья. Интересен и образовательный проект, связанный с бывшим уездным городком Тульской губернии — Крапивной, бренд которой начал раскручивать музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», проводя там фестивали Крапивы. Но еще более тонкий ход был заложен в проект обучения местных чиновников технологии обращения с исторической средой на примере истории уездного города. Здесь все способствует историческим примерам: сохранившиеся здания, городской уклад жизни — выращивание цветов, а не овощей. Развитие местного чиновничества — крапивного семени — на основе самых прогрессивных обучающих технологий — задача амбициозная и актуальная.

С. История места известна партнерам (или сообществу), но неизвестна проектировщикам — это зона местного (или частного) знания, где фиксируются специфические требования, предъявляемые участниками процесса. К этой категории проектов относятся семиотические исследовательские подходы к городу как тексту⁵.

При изучении города Бологого⁶, например, было выявлено, что знание истории в разной степени актуально для различных (по возрасту и культуре) групп жителей: на одном полюсе оказались пожилые краеведы и учителя, на другом — подростки и дети улицы, для которых важна их территориальная принадлежность. Ахметовой

⁵ Неклюдов С.Ю. Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы) // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные центры. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С.672.

⁶ Ахметова М.В., Лурье М.Л. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>.

и Лурье была выявлена роль массовой культуры (влияние песни: «Где-то между Ленинградом и Москвой», ностальгия по утраченной функции центра управления железной дорогой).

Особенный интерес вызывает закрепление в памяти сообщества событий-катастроф (пожар в кинотеатре (1911 г.), крушение поезда (1988 г.) и общая тональность жизнеощущения — «гиблость», то есть близость смерти, объясняемая рационально близостью и обширностью болот).

Исследование восприятия истории города Муром выявило⁷ специфический набор «локальных клипов»: город Ильи Муромца, Муромская дорожка, три сосны, леса, полные разбойников. Здесь, как и в Бологом, окружение города исторически является фактором, рождающим страх, а город выступает синонимом безопасного места — убежища. На втором уровне значимости продукция города: калачи,

⁷ Ахметова М.В. Образ Муромца в сознании горожан. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova8.htm>.

Генеалогия града, или Коллаж идентичностей

Тема номера / Issue Subject

Genealogy of the City, or Identities in Assemblage

Museum in the Changing World'. There was 'Travel with a Genius', providing a new view of life-travel of geniuses (Tolstoy and Turgenev) along with 'Paleovillage', in which an ancient and unknown culture of medieval Far East folks had been reconstructed. It was a direct result of the project that Nakhodka would be perceived as true tourist centre of South Primor'e.

Another interesting educational project was maintained in Krapivna, a small town in Tula province (gubernia). Its brand was developed by L. N. Tolstoy museum-estate, which initiated Krapivna festivals in it. Moreover, there was even more subtle gesture, they began to teach local municipal officials how to manage historical environment, taking the town history as an example. Everything there served as historical examples: old buildings survived as well as traditional town style of life (planting of flowers) did. It is rather ambitious but actual task to teach local officials with the most developed educational technologies.

C. The history of the place is known to the partners (or the community) but not to project makers. This is an example of local (situated) knowledge, in which specific local needs may be recognized. This category of projects are 'semiotic' ones, thus a town is considered a kind of text⁷.

For example, it was discovered while studying local history of Bologoe⁸ that historical knowledge is not equally demanded and actualized by different groups of its residents. Old local historians and teachers were on the one side, while teenagers and street children were on the

⁷ Nekhludov S. Samobytnost' i universalnost' v narodnoi kulture (k postanovke problemy) [Appropriation in folk culture: about the problem] — in: Geopanorama russkoi kultury. Provinciya i ee lokal'nye centry [Geographic panorama of Russian culture. Province and its local centers]. M.: Languages of Slavonic Culture, 2004. P. 672.

⁸ Akhmetova M., and Lourie M. Folklor i postfolklor: struktura, tipologiya, semiotika. Materialy bologovskikh ekspeditsii 2004. [Folklore and postfolklore: structure, typology and semantics. Proceedings from expeditions to Bologoe in 2004] Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>.

other side. The latter highly valued their local identity. Akhmetova and Lourie identified the role of mass culture (the influence of the popular song '...gde-to mezhdu Leningradom i Moskvoi...' [...Bologoe... is somewhere between Leningrad and Moscow]⁹ displayed nostalgia about the lost function of railroad managing centre).

Especially interesting are facts of surviving in the community' memory catastrophic events such as fire in a cinema theatre (1911), train crush (1988). The whole mood of life perception was 'dying', and it was rationally explained by the fact that there are many wetlands in the area.

Investigations in local perception of history in Murom¹⁰ lead us to discovery of a bunch of local symbols of history:

⁹ A pop song that gained nation-wide popularity in 1980s.

¹⁰ Akhmetova M. Obraz Muroma v soznanii gorozhan. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova8.htm>.

которыми славились муромские пекари и холодильник «Ока», в советском прошлом охлаждавший продукты в каждой второй семье. После 1990-х стал развиваться образ «Муrom — родина Зворыкина, изобретателя телевидения». Неожиданно в лидеры вырвался образ Муромских святых Петра и Февронии, которые на основе Муромского предания олицетворяют гармоническую супружескую любовь⁸.

Д. История места неизвестна проектировщикам и неизвестна партнерам (или сообществу, потребителям), и поэтому пространство должно быть освоено в совместном ходе проектирования объекта, процесса, культурного события. Продвижение в эту область и может быть осмыслено как проектный эксперимент, требующий специальной технологии организации партнерского взаимодействия. В такой логике развивается проект Ольги Карповой и Игоря Сорокина «Саратовское озеро: сакральная география»⁹. Саратовским озером авторы назвали участок Волги в районе Саратова и Энгельса. Именно изучить историю этого новообразования, выявить культурно-символические ресурсы этой акватории и стало целью авторов проекта.

Авторы выявляли:

- топонимические предания;
- мифологию Покровска-Энгельса.

⁸ Надо сказать, что еще в рамках культурно-экологической акции Возрождения в 1990-х годах мы с Олегом Игоревичем Генисаретским пытались продвигать праздник Петра и Февронии в качестве отечественной инициативы дню святого Валентина. Но дело не шло. Пока 2008 год не был объявлен годом семьи, а святые не попали под патронат супруги президента Светланы Медведевой.

⁹ Саратовское озеро. Мифопоэтический атлас. Благотворительный фонд В. Потанина, 2007.

В противоположность позитивистски настроенному краеведению они пытались воссоздать особенности локального мироощущения и составить (внимание!) экспериментальный научно-художественный продукт — мифопоэтический атлас Саратовского озера. В своем замечательно поэтичном тексте Игорь Сорокин отстаивает права места на внесударственную историю и право голоса ушедших безвозвратно народов (сарматов, сартов, ордынцев и других).

Новые функции рассказывания истории

Распространение гуманитарных технологий проникает в сферу бизнеса, развития НКО и местного самоуправления. Выясняется, что рассказывание историй (из прошлого фирмы, ассоциации или поселения) оказывается много лучше командно-административных и силовых¹⁰. Дэвид Армстронг, специалист по руководству персоналом, собрал все яркие истории в «Единое руководство по работе». Сборник состоит из текстов о важнейших событиях из жизни фирмы и уникальных поступках сотрудников, изменивших положение дел. Расположенные в хронологическом порядке, они порождают цепочку — «эмоции — вывод — действие».

Основные функции рассказывания местных (корпоративных) историй¹¹:

1. **Пропагандистская.** Это инструмент убеждения сограждан, позволяющий их мотивировать на новые сложные дела,

¹⁰ Чугунова А. Обыкновенные истории // Журнал «Секрет фирмы». № 43 (130), 14.11.2005. Метод доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=862266>.

¹¹ Чугунова А., Цит. соч.

проекты, требующие риска, работу в рамках стратегии развития и тому подобное.

2. **Объединяющая.** Истории служат инструментом развития местной культуры, основанием для общей идентичности, объединяющей элиты и аутсайдеров.

3. **Коммуникативная.** Истории способны повысить эффективность общения на разных уровнях, способствуя повышению информированности сограждан.

4. **Инструмент воздействия.** Исторический рассказ расширяет арсенал средств по мотивации, укрепляет репутацию лидера сообщества.

5. **Утилитарная.** В ряде случаев это самый простой способ донести до других содержание задачи, проекта или стратегии.

Работа с историей места оказывает влияние на местное сообщество, и хотя в начале это действие оказывается на специфические фигуры — агентов развития, то в последующем распространяется по сообществу. Скорость распространения информации в цифровой век значительно ускоряется. Появляется возможность использовать уникальное знание истории и выявленные события из жизни сообщества как окно в информационную экономику, одновременно усиливая человека, рационализируя его домашнее хозяйство. Сообществу предоставляется доступ к историческим основам власти, знание которых в свою очередь позволит более эффективно формировать партнерства, постепенно наращивающие более высокое качество жизни.

Iliia Muromets, Murom road, forest full of razboiniki [gangsters]. There, just as in Bologoe, the environment historically was a source of fear, while the town was a safe place, a sanctuary. The second level of historical meaning happened to be established by town products: bread, made by local bakeries and fridge brand 'Oka', extremely popular in ex-Soviet Union. After 1990s, the image 'Murom is a homeland of Zvorukin, the father of television', and quite unexpectedly the leading positions captured Murom saints, Peter and Fevronia, symbols of harmony in family life¹¹.

D. Neither project makers nor their partners know history of the place, thus the place should be appropriated in

¹¹ It must be said that in the line of culture and environmental action 'Renaissance' in 1990s we tried, together with Ole Genisaretsky, to make celebration of Peter and Fevronia a national alternative to celebrations of St. Valentine's day. We had no success until year 2008 was named 'Year of Family', and the saints gone under patronage of Russian first lady Svetlana Medvedeva.

common project development. In this case, the project making activity is an experiment demanding special technology of cooperation. It was the logic in which Olga Karpova and Igor' Sorokin developed their project 'the Saratov lake: sacred geography'¹². They gave the name 'the Saratov lake' to the part of Volga near Engels and Saratov.

It was their special task to study the history of the newly developed agglomeration along with cultural and symbolical resources of the aquatorium.

Improvement in the field of the history of the place influences the local society. The developmental impact it targeted towards the actors of development in the beginning, but it covers the rest of the community sooner. The speed of information jumps on in the digital era, so new opportunities to use the exclusive

¹² Saratov lake. Mythopoetic atlas. Valdimir Potanin Foundation. 2007

knowledge of community life's history as an entrance into digital economics, rationalizing and enriching human appear in the meanwhile. Community receives access to historical grounds of power, and it is sufficient to know the roots in order to develop more effective partnerships and gradually develop higher levels of life.

Translated by Mikhail Nemtsev

1.

Галерея портретов из экспозиции Ярославского художественного музея. Фото автора.
Portrait gallery from exposition of Jaroslavl art museum. Author's photograph.

Александра Деменкова,
Санкт-Петербург

В 2003-м году окончила факультет иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена. Работала переводчиком. Начала фотографировать в 1999-м году. Участвовала в выставках в Москве, Санкт-Петербурге, Великом Новгороде, Сургуте, Алматы, Лондоне, Хельсинки, Польше и Китае. С 2004-го года работает над серьезными социальными темами – бездомные, наркомания, нелегальные рабочие и жизнь в российской глубинке.

Награды:

2006 Documentary Prize в номинации «Повседневная Жизнь»,
Humanity Photo Awards, Китай / Гран При конкурса «Лучший фотокорреспондент-2006», Санкт-Петербург / 2005
«Лучший фотокорреспондент года-2005» в специальной номинации «За лучшую ч/б фотографию», Санкт-Петербург / Финалист конкурса Ian Parry Award, Лондон 2004 / Обладатель Гран-При конкурса «Северная Пальмира», Санкт-Петербург
«Лучший фотокорреспондент года-2004» в номинации «Повседневная Жизнь».

**Касторное,
лето 2008**

Курская область

Тема номера / Issue Subject

**Kastornoe,
summer 2008**

Kursk region

Aleksandra Demenkova,
Saint-Petersburg

Graduated from linguistics department of Herzen State Pedagogical University in 2003.

Took up photography in 1999.

Took part in exhibitions in Moscow, Saint-Petersburg, Veliky Novgorod, Surgut, Almaty, London, Helsinki, Poland, and China.

Since she has been working under grave social issues – homeless people, drugs, illegal labour and life in Russian remote places.

Awards:

2006 Documentary Prize in 'Everyday Life',

Humanity Photo Awards, China/Grand Prix of

'The Best Photographer – 2005' in special nomination

'The Best Black and White Photograph', Saint-Petersburg/

Finalist of Ian Parry Award, London, 2004/

Grand Prix of 'Northern Palmyra', Saint-Petersburg/

The Best Photographer- 2004' in 'Everyday Life'.